

М. И. АРТАМОНОВ

БЕЛАЯ ВЕЖА ¹

Под 964 г. после краткой, но выразительной характеристики князя-воина Святослава Игоревича, который «легко ходя, аки пардус, войны много творяще», «Повесть временных лет» сообщает о его походе на Оку и Волгу, а под следующим, 965 г. — о победе его над хазарами: «В лето 6473. Иде Святослав на козары; слышавше же козары, изидоша противу с князем своим Каганом, и ступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы».²

Сведения об этом походе руси на хазар, значительно расширяющие краткие, суммарные данные русской летописи, содержатся в сочинении арабского писателя Ибн-Хаукаля. Современник этого события Ибн-Хаукаль в своей «Книге путей и государств», описывая р. Итиль-Волгу и жившие по ней народы, замечает: «В настоящее время не осталось и следа ни от Булгара, ни от Буртаса, ни от Хазара, ибо русы напали на них, отняли у них все эти области и присвоили их себе».³ Из повествования этого автора следует, что русы разгромили столицу Хазарии Итиль и древний центр хазар в северном Дагестане — Семендер. События эти Ибн-Хаукаль относит, однако, не к 965 г., которым русская летопись датирует поход Святослава против хазар, а к 968/9 г. (358 г. хиджры).

Ввиду расхождения в датах некоторые историки полагают, что в русской летописи и у арабского автора речь идет не об одном, а о различных событиях, не имеющих ничего общего между собой и даже связанных с различной русью. Один поход связывается с русью киевской, возглавляемой князем Святославом, а другой — с какой-то другой русью, явившейся в Хазарию с верхней Волги или с Оки.

Известное сообщение арабских писателей о трех центрах древней Руси несомненно отражает реальную картину формирования русской государственности. Однако, кроме Киева и Славии (Новгорода), в этом известии указывается еще загадочная Артаня, относительно местопо-

¹ В предисловии к моей книге «Очерки древнейшей истории хазар» (ГИЗ, 1937) я допустил преувеличенную оценку значения хазар во всеобщей и русской истории и умаление самостоятельности древнерусского государства. Такого рода ошибки вызывают неправильные представления о роли хазарской культуры в сложении культуры русского народа. На эти ошибки мне было правильно указано в статье П. Иванова «Об одной ошибочной концепции» напечатанной в «Правде» от 25 декабря 1951 г. № 359. Помещаемая здесь статья лишним раз подчеркивает ошибочность моих взглядов и показывает, что древнерусская культура, представленная в Белой Веже, городе, возникшем на развалинах хазарской крепости и территориально отдаленном от основного массива русского народа, полностью независима от культуры хазарской и явно превосходит последнюю.

² Повесть временных лет. Изд. АН СССР, М.—Л., т. I, 1950, стр. 47.

³ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1871, стр. 218.

жения которой ведутся бесконечные споры. Как бы ни решался вопрос об этом третьем центре древней Руси, нет никаких оснований полагать, что по своему значению он может сопоставляться с двумя первыми центрами, хорошо известными по другим историческим источникам, а именно с Киевом и Новгородом. Если даже Артания и существовала, она не могла располагать силами для столь сокрушительного удара по городам среднего и нижнего Поволжья, какой рисуют сообщения Ибн-Хаукаля. Реальными силами для такого удара во второй половине X в. обладала только Киевская Русь во главе со Святославом. Таким образом, надо полагать, что и в русской летописи и в сочинении Ибн-Хаукаля говорится об одном и том же, а именно о походе на Хазарию киевского князя Святослава, об одном из самых замечательных предприятий этого храброго воина и талантливого полководца.

Расхождение в датах может зависеть от недостаточной точности обоих наших источников. 968/9 г. у Ибн-Хаукаля, по мнению В. В. Бартольда,¹ может означать не дату похода руси на хазар, а время, когда сведения об этом событии были получены Ибн-Хаукалем. Известно, что данные для своего труда Ибн-Хаукаль собирал во время своих путешествий. Сведения об интересующем нас походе руси он получил в Джурджане. Писал же он свое сочинение только около 976/7 г., т. е. 8 лет спустя после года, которым он датирует нападение руси на хазар, и нет ничего невероятного в том, что 968/9 г., к которому он относит этот поход, в действительности является временем, когда сведения о нем были получены Ибн-Хаукалем.

Не вызывает особого удивления и то обстоятельство, что в сообщении о походе Святослава на хазар русская летопись умалчивает о победах его над болгарами и буртасами и о разгроме им хазарских городов Итиля и Семендера, тогда как Ибн-Хаукаль ни слова не говорит о поражении, нанесенном русскими ясам и касогам, и о взятии ими Белой Вежи. Ограниченность сведений Ибн-Хаукаля вполне понятна, принимая во внимание, что он был не историк, а географ, заносивший в свое сочинение данные, представлявшие интерес в первую очередь для арабской торговли, и притом главным образом лишь такие, которые он мог получить путем расспросов или в результате непосредственного наблюдения. В Джурджане, где он собрал интересующие нас сведения, очевидно, ничего не знали о сражениях руси с ясами и касогами и о взятии русью пограничной хазарской крепости Белой Вежи или же, если и знали, не придавали этому существенного значения, так как эти события непосредственно не затрагивали интересов мусульманских купцов, находившихся в оживленных сношениях с поволжской Хазарией, а не с ее западной периферией.

Русский летописец, наоборот, заострил внимание на Белой Веже, выделил и привел в своем повествовании этот факт из несомненно богатого различными эпизодами похода Святослава на хазар потому, что Белая Вежа, как мы увидим ниже, не только была взята Святославом, но и заселена русскими, сделавшись на некоторое время весьма важным русским городом в степях юго-востока. Во время написания летописи она была хорошо известна в Киеве, и обстоятельства, при которых Белая Вежа стала русским городом, представляли для русского общества того времени существенный интерес. Другое дело — Итиль или Семендер. Они давно утратили свое былое значение, и самая память о них могла исчезнуть настолько, что летописец ограничился общим сообщением

¹ В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Советское востоковедение, т. 1, 1940, стр. 35.

о походе Святослава на Волгу и о победе над хазарами, не входя в подробности этого отдаленного по времени события в той части, в которой оно не связывалось с современными летописцу интересами Русского государства.

Итак, в русской летописи и в сочинении арабского географа речь идет об одном и том же, а именно о походе Святослава на Хазарию, в тот период, когда Русь становилась важнейшим политическим образованием Восточной Европы.

Последовательность событий этого похода была, в общих чертах, видимо такова: ¹ в 964 г. Святослав проник по Оке на Волгу. Здесь, спускаясь вниз по реке, он погромил камских болгар и живших ниже их буртасов и, добравшись до Хазарии, одержал решительную победу над выступившим против него хазарским каганом, взял и разграбил столицу Хазарии Итиль. Не удовольствовавшись этим, Святослав проник затем на Северный Кавказ, где в нынешнем северном Дагестане находился крупный хазарский город Семендер, бывший столицей Хазарии до перенесения ее на нижнюю Волгу. Разорив этот город, Святослав двинулся вдоль Кавказского хребта на запад, столкнувшись по пути с занимавшими центральную часть Северного Кавказа аланами, ясами русской летописи, и с черкесскими племенами Прикубанья — касогами. Движение Святослава на запад, по всей вероятности, с самого начала было направлено к Керченскому проливу, захват которого представлял весьма важные преимущества русской торговле. Есть все основания полагать, что образование русского Тматороканского княжества является прямым следствием похода Святослава.

Ввиду важности этого вопроса для нашей темы на нем необходимо остановиться. Русь еще до Святослава предпринимала попытки овладения Керченским проливом, этими весьма важными для нее воротами на восток. Однако первая известная нам попытка не увенчалась успехом. Я имею в виду события, связанные с походом руси в Закавказье в 943 г.

Из письма неизвестного хазарского еврея (Кембриджский документ) мы знаем, что в годы царствования византийского императора Романа Лекапина (919—944) русы напали на хазарский город Самкерц, находившийся на берегу Керченского пролива. ² Этот город, запиравший проход из Черного моря в Азовское, был хорошо известен русским купцам, приплывавшим сюда из Днепра вдоль берегов Крыма. Здесь находилась большая хазарская стража, оберегавшая вход в пролив на судах и переход через него зимой, когда пролив покрывался льдом. ³ На вопросе о точном местоположении Самкерца я сейчас останавливаться не буду, так как в данной связи нам безразлично, находился ли он на месте Тамани, или соответствует нынешней Керчи. Замечу только, что в письме кагана Иосифа он назван наряду с другим городом, носившим имя Керц.

Русы, — рассказывает в письме хазарского еврея, — хитростью овладели Самкерцем и забрали там богатую добычу, но удержать города не смогли. ⁴ Против них выступил хазарский правитель области, включавшей в свой состав Керченский пролив. В данном документе он именуется «булшицы Песах», что, очевидно, соответствует наименованию архонта Боспора «балгитчин» в хронике Феофана ⁵ и означает «болгарский князь», т. е.

¹ Ср.: Н. З н о й к о. О походах Святослава на восток. ЖМНП, т. XVIII, 1908, № 11, стр. 258 сл.

² П. К. К о к о в ц о в. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, стр. 118.

³ А. Я. Г а р к а в и, ук. соч., стр. 131 (Масуди).

⁴ П. К. К о к о в ц о в, ук. соч., стр. 102.

⁵ Т е о р н. Chronogr. recens. de Boor., I, стр. 373. Ср.: П. К. К о к о в ц о в, ук. соч., прим. 6 на стр. 118—119.

князь известных в Прикубанье черных болгар. Не застав русских в Самкерце, Песах двинулся на византийские владения в Крыму, поскольку, как гласит Кембриджский документ, русы выступили против хазар по проискам Византии. Песах завоевал три византийских города и множество селений и под конец осадил и взял Херсонес. Расправившись таким образом с Византией, он двинулся против русского князя Хельгу, разбил его и заставил выступить против Византии. Поводом войны между Византией и хазарами, в которую оказалась втянутой Русь, по данным кембриджского документа, было преследование иудеев в Византии, на которое хазарский каган ответил гонениями против христиан.

Нет сомнения, что здесь имеется в виду поход Игоря на Византию в 941 г. Как известно, поход был неудачным, русские ладьи были истреблены греческим огнем, русские были разбиты и на суше. Князь Игорь с жалкими остатками флота бежал к Боспору Киммерийскому, т. е. к Керченскому проливу, к своим союзникам хазарам, а остальное русское войско вернулось по берегу Фракии.¹

В письме хазарского еврея говорится, что русский князь устыдился вернуться в свою страну и отправился в Персию морем. Действительно, около этого времени, в 943 г., русы с согласия хазар прошли через Хазарию хорошо известным им путем, которым они пользовались еще в 913 г., т. е. вверх по Дону до переволоки из этой реки в Волгу, а затем по последней в Каспийское море и появились в арабских владениях в Закавказье.² О похождениях их в Закавказье мы здесь говорить не будем; достаточно отметить, что, согласно сведениям хазарского еврея, погибший там предводитель руси был Хельгу, тот князь, под начальством которого русь перед тем напала на Самкерц и против которого воевал булшицы Песах.

В письме хазарского еврея этот князь Хельгу-Олег полностью заслонил русского великого князя Игоря, в годы правления которого происходили описанные события. Вместе с тем нет решительно никаких данных считать Хельгу за князя, независимого от Игоря, представлявшего какую-то особую русь, отличную от руси киевской и находившуюся где-то, не то в Крыму, не то на Тамани, т. е. так называемую черноморскую русь.³ Поводами для предположения о такой особой руси служат и известия арабских писателей о трех центрах руси, в особенности указания их на пресловутую Артанию и те места в договоре Игоря с греками, в которых говорится о князе русском, которому, во-первых, запрещается воевать в Корсунской стране, а во-вторых, предписывается защищать эту страну, т. е. византийские владения в Крыму, от уже известных нам черных болгар. Действительно, в изложенных статьях договора говорится просто о русском князе, тогда как во всех других случаях, относящихся к Игорю, он называется великим князем русским.⁴

Создается определенное впечатление, что в этих статьях речь идет о князе, подручном русского великого князя, которому можно, как это сказано в договоре, «приказывать» делать то или иное. Таким подручным князем Игоря мог быть Хельгу-Олег, но совершенно исключается возможность нахождения его княжества на Таманском полуострове или

¹ М. Д. При sel ко в. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. ВДИ, 1939, № 3, стр. 101.

² А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332 (943/944) г. Византийский временник, т. XXIV

³ И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА СССР, № 6, 1941, стр. 191 сл.

⁴ Повесть временных лет, ук. изд., стр. 34 сл.

в Крыму. Как следует из вышеизложенного, Песах, не застав Хельгу в Самкерце, напал на византийские владения в Крыму и только после взятия Херсонеса направился против русских. Если бы русский князь, покинувший Самкерц, оставался на Таманском полуострове или в Крыму, последовательность действий князя черных болгар была бы, несомненно, иной. Он не мог бы открыть военные действия против Византии, оставив в тылу у себя русское войско. Ясно, что Хельгу предводительствовал не какой-то особой черноморской русью, а все той же русью днепровской, которая в это время выступает в качестве крупной силы в Восточной Европе. По всей вероятности, Хельгу был предводителем тех наемных варяго-русских дружин киевского князя, которых нельзя было держать в бездействии, которые были связаны с Киевом как со своей базой, но находились в весьма условном подчинении у киевского князя и в погоне за добычей могли на свой риск и страх пускаться в такие рискованные предприятия, какими были походы в Закавказье 913 и 943 гг. Правда, в 945 г., когда утверждался договор Игоря с Византией, Хельгу и его войска уже не было в распоряжении русского великого князя, но это обстоятельство могло быть не учтено при составлении договора. Я здесь вовсе не касаюсь вопроса об отношении Хельгу хазарского источника (Кембриджского документа) к летописному Олегу, который в договоре с греками 912 г. значится русским великим князем. Замечу только, что при сложении легендарного образа Вещего Олега исторический Хельгу мог сыграть далеко не последнюю роль.

Возвращаясь к походу Святослава на хазар, следует еще раз подчеркнуть, что к этому времени, как и раньше, никакой особой черноморской руси не было и русского Тмутроканского княжества не существовало, но зато важность Керченского пролива для восточной торговли руси была давно уже осознана и хорошо известна киевскому князю. Овладение этим проливом было совершенно необходимым звеном в цепи тех задач, которые решались Святославом. К рассмотрению этих задач мы перейдем несколько ниже, здесь же отметим, что аналогичное, хотя, конечно, и меньшее значение для Святослава имело взятие хазарской крепости на Дону, известной русским источникам под именем Белой Вежи. Надо полагать, что под стенами этой крепости Святослав появился только после закрепления своей власти над берегами Керченского пролива.

В 966 г. Святослав опять оказывается в области вятичей, живших на верхнем Дону и в бассейне верхней и средней Оки. В Ипатьевском, Никоновском, Новгородском 1-м и Архангелогородском списках летописи под 965 г. после сообщения о взятии Святославом Белой Вежи и победах над ясами и касогами говорится: «и приде к Киеву». В Лаврентьевской летописи этого известия нет. Принимая во внимание, что Лаврентьевская летопись является древнейшей и наиболее исправным списком начальной летописи, я полагаю, что Святослав оказался у вятичей, не заходя в Киев, а поднявшись от Белой Вежи вверх по Дону, т. е. что подчинение им вятичей явилось завершением его трехлетнего восточного похода.

Из контекста летописного рассказа об этом походе вытекает, что, идя на Волгу, Святослав, только будучи на Оке, обнаружил, что славянское племя вятичей платит дань хазарам. Конечно, это не соответствует действительности. Святослав не мог не знать того, что значительно позже хорошо было известно летописцу, а именно, что задолго до его похода часть восточнославянских племен находилась под властью Хазарского каганата и платила дань хазарам. В легендарной части летописного повествования рассказывается о подчинении хазарам полян. Этот рассказ летописец заканчивает знаменательным пророчеством старцев хазарских,

смущенных полученной с полян данью в виде мечей. «Не добра дань, княже. Мы ся доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями, а сих оружие обоюдоустро, рекше мечь. Си имуть имати дань на нас и на инех странах. Се же сбьсться вся»,¹ — добавляет летописец, осведомленный не только о важнейших этапах освобождения славянских племен из-под хазарского ига, но и о разгроме хазар Святославом.

Поляне перестали платить дань хазарам после утверждения в Киеве Аскольда и Дира, что летописью относится к 862 г. Летопись датирует 884 годом подчинение Олегом северян, которым он запретил платить дань хазарам, говоря: «Аз им противен, а вам не чему». В следующем 885 г. Олег подчинил радимичей, заставив их платить себе дань в том же размере, в каком они выплачивали ее хазарам. В войске Олега, собранном для войны с Византией, значатся не только эти освобожденные из-под власти хазар племена, но и вятичи, о подчинении которых Олегом летопись ничего не знает, что, однако, не может служить поводом для опровержения этого известия летописи, так как вятичи могли участвовать в ополчении, собранном под знаменами Олега, в качестве союзников, а не подданных.

Таким образом, ко времени Святослава вятичи оставались единственным восточнославянским племенем, платившим дань хазарам. Подчинение их киевскому князю явилось бы завершением объединения восточнославянских племен в едином Русском государстве.

Нет сомнения, что еще в 964 г. Святослав, идя на Оку, имел в виду выполнение именно этой задачи. Однако эта задача была у него не единственной и даже не самой важной. Как видно из дальнейшего, Святослав начал не с вятичей. Ознакомившись с положением дел на месте, Святослав убедился, что подчинение вятичей дело не простое, что сделать это без борьбы невозможно, и поэтому, чтобы не ослаблять своих сил, предназначенных для другой, более значительной цели, он на первых порах постарался только нейтрализовать это большое и сильное славянское племя и, не ставя вопроса о подчинении его Киеву, видимо, только прошел через вятическую землю, может быть, даже усилил свое войско присоединением вятических отрядов на правах союзников.

Достигнув основной своей цели — разгромив хазар, Святослав мог уже не считаться с вятичами и завершил свое грандиозное предприятие покорением этого племени. С вятичами Святославу пришлось выдержать серьезную борьбу, из которой он, однако, вышел победителем. Наложив дань на вятичей, Святослав вернулся в Киев и вскоре со всей свойственной ему смелостью и энергией бросился в новое грандиозное предприятие — в завоевание Болгарии на Дунае. Это новое предприятие отвлекло его от дел на востоке и помешало полностью закрепить за Русью сделанные там завоевания.

Так мне представляется последовательность и взаимная связь событий, о которых летопись рассказывает под 964—966 гг.

Историческое значение этих событий было огромным. Святослав закончил объединение восточнославянских племен в рамках Русского государства.

Находясь на перекрестке торговых путей, Хазария играла весьма видную роль в международной торговле между севером и югом, Азией и Европой. Через Хазарию как промежуточную инстанцию проходили из Руси и Волжской Болгарии особенно ценимые на восточных рынках меха, воск, янтарь, железные изделия (мечи) и другие товары. Через Хазарию же шли невольники. Эти товары поступали на рынки Азербайджана,

¹ Там же, стр. 16.

Армении, Византии, Ирана и Хорезма, доходили до Мерва, Багдада и Константинополя. В обмен на них шли изделия восточного ремесла и в большом количестве серебряная монета. В главный политический и вместе с тем торговый центр Хазарии, г. Итиль, съезжались купцы из разных стран. Торговля через Хазарию была главным источником доходов для хазарского кагана. Со всех товаров, проходивших через Итиль, взималась пошлина, которая давала возможность главе Хазарского государства содержать сильное, хорошо вооруженное наемное войско и благодаря этому держать в своей власти обширную территорию с разнородным населением. С другой стороны, разнородность этого государства и рост сепаратизма различных его составных частей были источником слабости Хазарского каганата. Не имея опоры в народе, хазарский каган оказался в зависимости от своей наемной гвардии.

Молодое, крепнущее Русское государство было весьма заинтересовано в восточной торговле. О значении для Руси этой торговли ярко свидетельствуют многочисленные клады восточных монет, находимые на территории северных славянских племен. Контроль над этой торговлей со стороны хазар и зависимых от них волжских болгар не мог не заботить русского князя. К тому же хазары господствовали в это время над частью восточнославянских племен и препятствовали объединению их в едином Русском государстве.

Поход Святослава на Волгу против хазар не был простым грабительским набегом, он преследовал определенные, далеко идущие политические задачи и прежде всего захват важнейших ключевых позиций на волжском торговом пути. Об этом мы можем заключить не только из учета обстоятельств, при которых совершался этот поход, но и из определенных указаний на этот счет, содержащихся в сочинении Ибн-Хаукаля. Сообщая о разгроме Поволжья русью, он добавляет: «русы отняли эти области и присвоили их себе».¹ Беглецы из Хазарии, жившие в Закавказье, по словам Ибн-Хаукаля, оставались здесь вблизи от своей страны, надеясь заключить мир с русскими и подчиниться им.² Из этого ясно, что русы не ограничились разгромом хазарских городов, они подчинили их своей власти, и беженцы из этих городов только ожидали благоприятного момента, чтобы вернуться домой и жить под властью русских.

Намерения Святослава, таким образом, были очень широкие. Однако осуществить их полностью ему не удалось. Подчинение Хазарии оказалось невозможным, повидимому, потому, что главные силы Руси в скором времени были отвлечены в другом направлении, на решение другой задачи—завоевание Дунайской Болгарии, которое в глазах Святослава представлялось более важным, чем завоевание Хазарии, — а также еще и потому, что Хазария получила помощь от тесно связанного с нею торговыми узами Хорезма.

По свидетельству Ибн-ал-Атира, хорезмийцы оказали помощь хазарам против напавших на них тюрок. В этих тюрках, повидимому, следует видеть гузов, которые соседнили с хазарами на востоке и были известны русской летописи под названием торков. Еще Вестберг высказал предположение, что они действовали в союзе со Святославом, что весьма вероятно, так как указанная Ибн-ал-Атиром дата нападения их на Хазарию — 965 г. — совпадает с годом победы Святослава над хазарами. Хазары получили помощь от Хорезма, обязавшись принять мусульманскую религию.³

¹ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 218.

² Там же, стр. 218.

³ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 34. — С. П. Толстов. Новогодний праздник «Календас» у хорезмийских христиан. СЭ, 1946, № 2, стр. 92—93.

Впрочем, и это Хазарии существенным образом не помогло. Небольшие русские гарнизоны, оставленные Святославом, не смогли удержаться на Волге, но и Хазария как большое государство не возродилась. Она рассыпалась на свои составные части, каждая из которых не была настолько значительна, чтобы играть заметную роль в дальнейшем историческом процессе. Исключение составила Волжская Болгария, которая после гибели Хазарского каганата заняла ведущее положение в Поволжье и просуществовала в качестве цветущего, сильного царства вплоть до монгольского завоевания.

Таким образом, Святославу не удалось полностью осуществить свои планы на Востоке. Волжский путь и после его похода оставался не русским. Из завоеваний Святослава Руси на некоторое время удалось удержать только подступы к Востоку — Керченский пролив, да город на Дону — Белую Вежу, где сразу же после завоевания их Святославом возникли русские поселения.

Белая Вежа как русский город до сих пор не привлекала к себе внимания исследователей, хотя наличие ясно выраженных следов русской культуры в остатках этого города давно было известно и служило одним из доводов против отождествления этих остатков с хазарским Саркелом. Мне нет надобности еще раз доказывать, что Белая Вежа русской летописи означает хазарскую крепость Саркел на Дону, что это русское название представляет собой простой перевод хазарского имени этой крепости, которое Константин Багрянородный по-гречески передавал как «белый дом».¹ Нет надобности также доказывать, что остатки Саркела — Белой Вежи находятся на левом берегу Дона близ станицы Цимлянской. Произведенными здесь раскопками открыты остатки кирпичной хазарской крепости, полностью соответствующей признакам Саркела, известным по рассказу о его построении Константином Багрянородным; раскрыты также мощные отложения русского города, существовавшего на ее развалинах.²

Хазарская крепость Саркел, воздвигнутая на левом, низком берегу Дона, была не только оборонительным сооружением на северо-западной границе Хазарии, но и важным опорным пунктом хазар на сухопутной дороге, связывавшей нижнее Поволжье с владениями хазар на западе. Она представляла собой правильный четырехугольник 186 м длиной и 125 м шириной, обведенный массивными кирпичными стенами, усиленными многочисленными башнями (рис. 1). Крепость была перегорожена на две части особой внутренней стеной, которая по толщине лишь немногим уступает наружной стене. Обе части крепости были застроены большими, длинными кирпичными зданиями с полами, вымощенными кирпичом или залитыми известью. Главные ворота в крепость находились в северо-западной стене и представляли собой башню большей, чем другие, величины с широким пролетом, закрывавшимся деревянными створами. По сторонам ворот внутри были кирпичные здания для караула. У входа в ворота с этой же стороны находился глубокий колодец, облицованный тесаным камнем. Это был осадный колодец, который открывался только в военное время, когда выход к реке был невозможен. В остальное время он был закрыт деревянным настилом и не мешал проезду.

¹ Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 42. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934, стр. 20.

² М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. Л., 1935. — О н ж е. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, стр. 130 сл. — О н ж е. Новые раскопки Саркела — Белой Вежи. ВИ, 1949, № 10, стр. 138. — О н ж е. Раскопки Саркела — Белой Вежи в 1950 г. ВИ, 1951, № 4, стр. 147.

Не касаясь других подробностей в устройстве крепости, обнаруженных раскопками, отметим, что, кроме гарнизона, в ней с самого начала жило и постоянное гражданское население, устраивавшее свои жилища в местах, не занятых крепостными кирпичными зданиями. Жилища эти были как типа полуземлянок, так и надземные со стенками из плетня, обмазанного глиной, а также и в виде юрт, поверх основы из прутьев перекрытых войлочной кошмой. С этим населением, в первую очередь, и связывается та культура, которая представлена в нижнем хазарском слое городища. Начальной датой ее здесь является время построения крепости около 834 г., конечной — взятие этой крепости Святославом.

Хорошее подтверждение последней даты представляет одна из самых замечательных находок, сделанных при раскопках городища, а именно клад, обнаруженный частично в обломке большого горшка, наполненного просом, а частично возле него. Клад состоял из двух поясов, обложенных серебряными позолоченными бляшками, ожерелья из сердоликовых бус и серебряных диргемов и из комка рубленых серебряных монет. Все определенные монеты этого клада оказались относящимися к промежутку времени между 914—947 гг. Все они чеканены в Средней Азии (главным образом в Самарканде).¹ Таким образом, клад этот не мог попасть в землю ранее середины X в. и, по всей вероятности, связан со взятием Саркела Святославом.

Особенностями этого клада лучше всего характеризуются обстоятельства взятия крепости Святославом. Владелец дорогих вещей, входящих в состав клада, в последний момент, может быть во время штурма крепости, спрятал их в горшок с просом и оставил в доме. Дом при взятии крепости сгорел, следы пожара прослеживались в слое с кладом и заметны на вещах клада: просо, находившееся в горшке, обуглилось, а вещи частично пострадали от огня, самый горшок разбился. Поэтому клад не достался победителям и не мог быть взят своим владельцем, даже если последний и уцелел после штурма крепости.

Хотя оборонительные стены крепости в основном сохранились, большинство кирпичных зданий внутри ее после взятия русскими представляло собой развалины. Однако население крепости не было полностью истреблено. Оставшиеся в живых жители Саркела после окончания военных действий ютились в развалинах крепости, приспособившая сохранившиеся части кирпичных зданий под свои жилища. Так, в пролете крепостных ворот оказалось жилое сооружение с закрывавшей пролет стенкой, сложенной на глине из кирпичей, взятых из разрушенных построек. Стенка эта в дальнейшем завалилась. Под завалом сохранилась обстановка этого жилища, состоящая, между прочим, из многочисленной характерной керамики салтовского типа. Такая же картина была обнаружена в угловом помещении большого кирпичного здания типа караван-сарая. Здесь были открыты остатки устроенного в развалинах жилища с глинобитной печью и кладовой ямой, закрытой деревянным настилом. И здесь керамика только салтовских типов. Указанные находки свидетельствуют, что часть населения Саркела уцелела и после взятия крепости Святославом пыталась в какой-то мере возродить свое поселение. Весьма вероятно, что в крепости оставался и русский гарнизон, выделенный Святославом из его войска.

Короткое время спустя крепость оказалась опять густо заселенной, причем плотность ее застройки теперь во много раз превосходила застройку предшествующего хазарского периода. Новое население в основном было русским, о чем свидетельствуют все признаки его культуры.

¹ Определения произведены М. М. Дьяконовым.

Откуда явилось это русское население Белой Вежи, в настоящее время сказать с полной уверенностью еще невозможно, но есть все основания предполагать, что оно пришло сюда из левобережного Поднепровья.

Русское население Белой Вежи вместе с остатками старого населения заняло не только пространство внутри крепостных стен, которые хотя и были частично разрушены, но продолжали играть прежнюю роль — основного оборонительного рубежа. Было занято и небольшое пространство с северо-западной стороны крепости, которое в хазарское время было

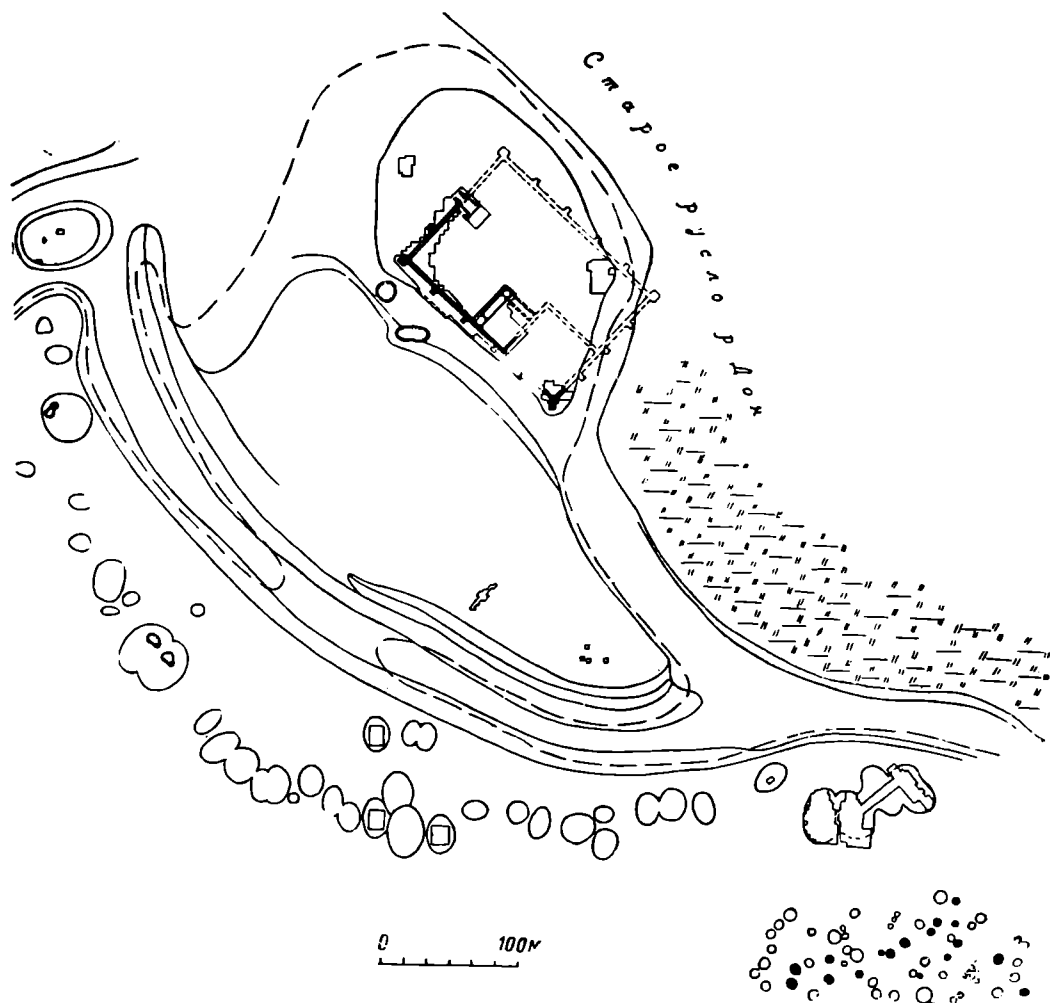

Рис. 1. Общий план городища и могильника.

незаселенным, но которое, как и вся крепость, находясь на береговом мысу, было с напольной стороны защищено широким и первоначально глубоким рвом. Кстати отметим, что этот ров весьма интенсивно замыкался рекой, и жители города прилагали немало стараний для его расчистки. В заполнении рва видны следы этой работы, и видно, как постепенно уменьшались и глубина и ширина этого оборонительного сооружения. Тем не менее, он до самого конца существования города оставался границей, за которую поселение не выходило.

Свои жилища русское население Белой Вежи устраивало в виде полуземлянок, впущенных несколько в толщу хазарского культурного слоя, а иногда и в материк. В дальнейшем, с образованием наслоений русского времени нижняя часть жилищ углублялась в слои предшествующего русского горизонта. Это обстоятельство, кстати сказать,

весьма неблагоприятно отразилось на сохранности жилищ, дошедших до нас в большинстве случаев в сильно фрагментированном виде. Это же обстоятельство весьма затруднило раскопочные исследования, так как создало очень сложную, запутанную стратиграфию, требующую неослабного внимания и большой тщательности при разборке культурного слоя. При непрочности и недолговременности построек в густо населенном городе культурный слой рос с поразительной быстротой. За каких-нибудь полтора лет существования русской Белой Вежи он достиг почти трехметровой толщины.

Русские жилища, углубленные в землю на 0.5—0.75 м, имели стены из плах или из плетня, обмазанного глиной, с опорами в виде столбов по углам. В некоторых случаях вдоль стен прослеживаются ямки от вертикально воткнутых кольев такого плетня, а в других находят даже обугленные остатки самого плетня (рис. 2). Крыша делалась на деревянной основе из соломы или камыша. Пол в жилищах был земляной. Средние размеры жилищ 4 × 5 м. В одном углу в них обычно находятся остатки печи, в наиболее ранних русских жилищах сложенной из камней (песчаник), а позже из целых и обломанных кирпичей, взятых из разрушенных хазарских построек.

Печи были и овальные и прямоугольные (рис. 3 и 4). Первые характерны для древнейшего русского населения Белой Вежи. Верх у печей или горизонтальный, или сводчатый. Последний строился по принципу так называемого ложного, или ступенчатого, свода, причем кирпичи верхнего ряда выступали над нижним. При горизонтальном перекрытии из кирпичей внутри печи выкладывался опорный столб или даже делалась стенка, делившая топку на две части (рис. 3). Печи изнутри и снаружи обмазывались глиной. Над печью довольно часто встречается оригинальное сооружение в виде круглой или овальной сковороды, края которой образованы довольно толстым, но не высоким глинобитным валиком. Это сооружение могло служить для сушки, а может быть, даже и для печения.

В верхних слоях Белой Вежи встречаются остатки наземных сооружений из дерева или сырцовых кирпичей. Стенки, возведенные из последних, иногда сооружались на фундаменте из камней или хазарских обожженных кирпичей (рис. 5). Служивший для этой цели камень — хрупкий мергель, выходы которого имеются на правом берегу Дона напротив Белой Вежи. По другим своим признакам, в частности — по размерам, этого рода жилища не отличаются от полуземлянок.

В самих жилищах и возле них устраивались многочисленные кладовые ямы, которые в дальнейшем становились мусорными ямами. Ямы эти достигают значительной глубины (до 2 м) при ширине в 1—1.5 м. Форма у них часто грушевидная или цилиндрическая. У ям, вырытых в культурном слое, стенки часто обложены кирпичами или же облицованы деревом; дно ям также часто вымощено кирпичами (рис. 6). Кладовые ямы закрывались деревянными крышками. В одном случае в яме, в остатках корзины находилось не менее 7 кг оокосовавшихся зерен проса. Первоначальный вес этого проса был не меньше 30 кг. Вообще говоря, описанные ямы могли вмещать весьма значительное количество зерна. На выложенном кирпичами дне одной из ям обнаружен перевернутый вверх дном бронзовый тазик.

Следы земледельческого хозяйства населения Белой Вежи в находках на городище представлены не только зерновыми ямами, но и многочисленными земледельческими орудиями, такими, как железные лемехи, серпы, косы (рис. 7), ротационные жернова. В ямах и культурном слое собрано множество зерна. Замечательно, что виды злаков, культивировавшихся

Рис. 2. Остатки русских жилищ полуподземного типа.

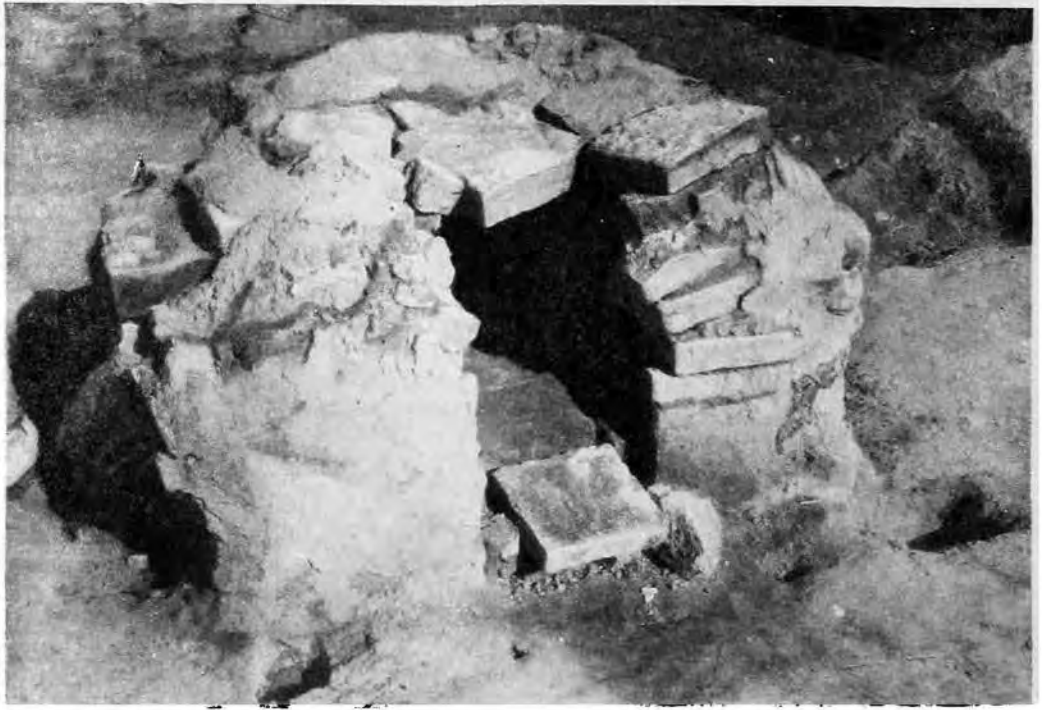

Рис. 3. Печи в русских жилищах.

Рис. 4. Печи в русских жилищах.

русским населением Белой Вежи, отличаются от характерных для хазарского времени. Вместо карликовой пшеницы и двурядного ячменя, которые находятся в хазарском слое и свидетельствуют о связи хазарского земледелия с Восточным Закавказьем и Ираном, где эти виды злаков существуют до нашего времени, в русской Белой Веже находятся зерна мягкой пшеницы и шестирядного ячменя, издавна, еще со времен трипольской культуры, известных в Поднепровье. Русские, таким образом, принесли на Дон свои собственные, привычные для них, виды хлебных растений. Вместе с русскими в Белой Веже появляются рожь и масличное растение кобьза. Они же начинают культивировать здесь лен. Как и в хазарское время, возделываются просо и конопля. Обращает на себя внимание

Рис. 5. Фундамент из мергеля наземного жилища.

исключительно высокое качество зерна, совершенно свободного от заорения, что не может не свидетельствовать о высокой технике земледелия.¹

Кости домашних и диких животных в изобилии находятся на городище. Здесь представлены все виды домашнего скота, характерного для русского скотоводства: лошадь, корова, овца, коза, свинья. Есть и собака. В русском слое нет только костей верблюда, встречающихся в отложениях хазарского времени. Из диких животных есть и благородный олень, и лось, и кабан, и бобр, и сайга, и ряд других как степных, так и лесных животных.² Сочетание степных и лесных животных не представляет ничего удивительного, если учесть, что в древности широкая долина реки, прорезавшая ковыльные степи, была покрыта зарослями густого леса, состоявшего не только из тополевых пород и ивы, но и из дубов. В качестве строительного материала в остатках русских жилищ Белой Вежи встречаются, однако, не только эти породы, но и сосна, которая могла произрастать на обширных пимлянских песчаных дюнах на

¹ Характеристика растительных остатков дается по заключениям В. А. Петрова.

² Остологические определения сделаны К. Б. Юрьевым.

противоположной стороне Дона. Охота, несомненно, носила промысловый характер. Об этом свидетельствует, в частности, значительное количество костей бобра.

Протекавшая возле города большая, широкая река, русло которой только позже отошло к правому краю долины, где оно находится и в настоящее время, по меньшей мере в 4 км от городища, была богата рыбой. В культурном слое городища находится много костей рыб, в том числе и позвонки огромных сомов и осетров. Другим указанием на развитие рыболовства служат находимые на городище рыболовные крючки

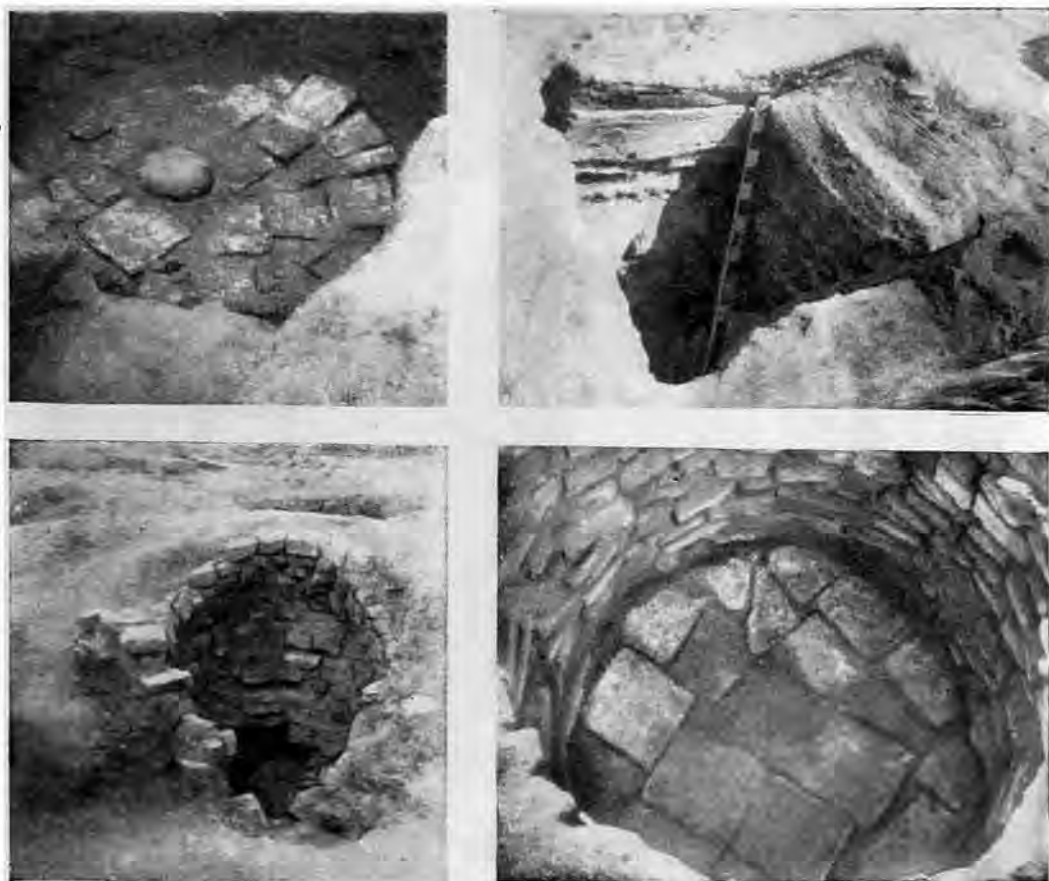

Рис. 6. Кладовые-ямы, выложенные кирпичом и деревом.

и грузила от неводоов. Особо следует отметить замечательный большой бронзовый крючок с блесной (рис. 8).

При всем значении земледелия, скотоводства, охоты и рыболовства в экономике русского населения Белой Вежи следует признать, что не эти производства определяли специфику его хозяйства. Белая Вежа не сельскохозяйственное поселение, не колония землепашцев, в поисках удобных для земледелия просторов углубившихся в самое сердце донских степей, подальше от жадности князя и боярина. Об этом со всей несомненностью свидетельствует общий характер русской культуры городища, а также и то обстоятельство, что в окрестностях Белой Вежи русского времени не было других поселений. В хазарский период вокруг Саркела существовал ряд обширных сельскохозяйственных поселков, которые образовывали особый населенный округ. В русское время такие поселения отсутствуют совершенно. В окрестностях Белой Вежи известны остатки только одного небольшого русского поселения, да и

то оно имеет специфический характер: это поселок перевозчиков на берегу реки.

Основой процветания Белой Вежи было не сельское хозяйство. Оно являлось здесь всего только необходимой предпосылкой для развития

Рис. 7. Железные орудия.

таких видов деятельности, которые свойственны городу, а не деревне, а именно ремесла и торговли. Белая Вежа была городом в собственном, хотя и средневековом, смысле этого слова. Это был крупный центр ремесленного производства и торговли, о чем свидетельствуют многочисленные находки, сделанные в культурном слое городища. Здесь были обнаружены остатки кузнечных, литейных и гончарных мастерских, инструменты, заготовки и изделия костерезов, деревообделочников, колесников и других ремесленников. В остатках одной кузнечной мастерской най-

дено несколько десятков железных криц, множество шлаков, обрезков металла и кузнечные клещи (рис. 9); в другой мастерской найдены остатки горна, глиняное сопло и несколько литейных формочек (рис. 10) и тигельков, в третьей собрано множество обрезков янтаря. Из орудий ремесленного производства заслуживают упоминания большой коловорот для просверливания втулки колеса, длинное сверло, настоящие портновские ножницы, песчаниковые круглые точила с квадратным отверстием для насаживания на ось. Из заготовок особенно много встречается опиленных или обрезанных рогов, имеются незаконченные гребни и другие

Рис. 8. Рыболовные крючки.

костяные предметы (рис. 11 и 12). О деревообделочном производстве можно судить по находкам остатков точеной мебели и деревянных сосудов. В одном жилище оказалось обугленное корыто и ковш с характерной ручкой. Очень часто находятся донца сгоревших бабеек.

Особенно наглядно представлены находками на городище торговые связи Белой Вежи со средним Поднепровьем, с Киевом. Здесь встречаются не только вещи, изготовленные в мастерских Киева, вроде нательных крестиков (рис. 13) и энколпионов — в том числе один с изображением Бориса и Глеба, — характерных стеклянных браслетов, бус и тому подобных мелочей, но и сырые материалы поднепровского происхождения. В их числе в первую очередь надо назвать куски красного шифера, из которого на месте изготовлялись не только пряслицы, но и формочки для отливки украшений. Известен случай нахождения на городище «владиминова серебра». Сношения с Византией и Крымом представлены, кроме монет и металлических вещей, находками уникального гребня

из слоновой кости с рельефными изображениями в середине и крымской керамики, о которой речь будет ниже.

Потребностями развитой торгово-ремесленной деятельности, повидимому, надо объяснять широкое распространение в Белой Веже грамотности. Об этом свидетельствуют многочисленные буквы, процарапанные на различных сосудах, а также монограмма, вырезанная на костяной рукоятке, вероятно от нагайки, представляющая собой три переплетенные друг с другом буквы, а именно: две буквы В и посредине О (рис. 15). Еще более ярким свидетельством того же являются находки фрагментов двух сосудов с надписями. От одного из этих сосудов, разбитого в древности, найдено два небольших обломка стенки, на которой была выцарапана надпись из шести строк (рис. 14). К сожалению, ввиду

Рис. 9. Железные орудия.

сильной фрагментарности прочесть эту надпись не удастся, несмотря на то, что часть букв сохранилась очень хорошо. По палеографическим признакам надпись эта датируется не позже первой половины XI в., что подтверждается и типом сосуда, на котором она выцарапана. Это сосуд, вероятно кувшин, сделанный на гончарном круге из буро-красной глины хорошего обжига. Такого рода керамика известна в слоях как хазарского, так и русского времени и, повидимому, происходит из Крыма, точнее, с Таманского полуострова. По своим частным признакам сосуд с надписью мог бы относиться даже к концу X в.

Вторая надпись находится также на двух обломках, но другого, хотя и сходного с первым, сосуда. К сожалению, она также очень сильно фрагментирована и к тому же представляет собой лигатуру, вкомпанованную в какую-то геометрическую фигуру, отдаленно напоминающую известный «знак рюриковичей» в том случае, если сохранившуюся часть этой фигуры дополнить по принципу зеркальной симметрии. Ввиду этого прочтение ее представляет еще более трудную задачу.

Особого внимания заслуживают так называемые «знаки рюриковичей», встреченные на разных предметах, в частности на одном из много-

Рис. 10. Литейные формочки.

численных кистней. Это кистень яйцевидной формы, выточенный из кости. В просверленное продольное отверстие его вставлен железный стержень, заканчивающийся на одном конце заклепкой, а на другом — кольцом, за которое кистень прикреплялся к ремню. Очень интересна костяная диск, с одной стороны заполненный орнаментом (розеткой), с другой — таким же знаком.

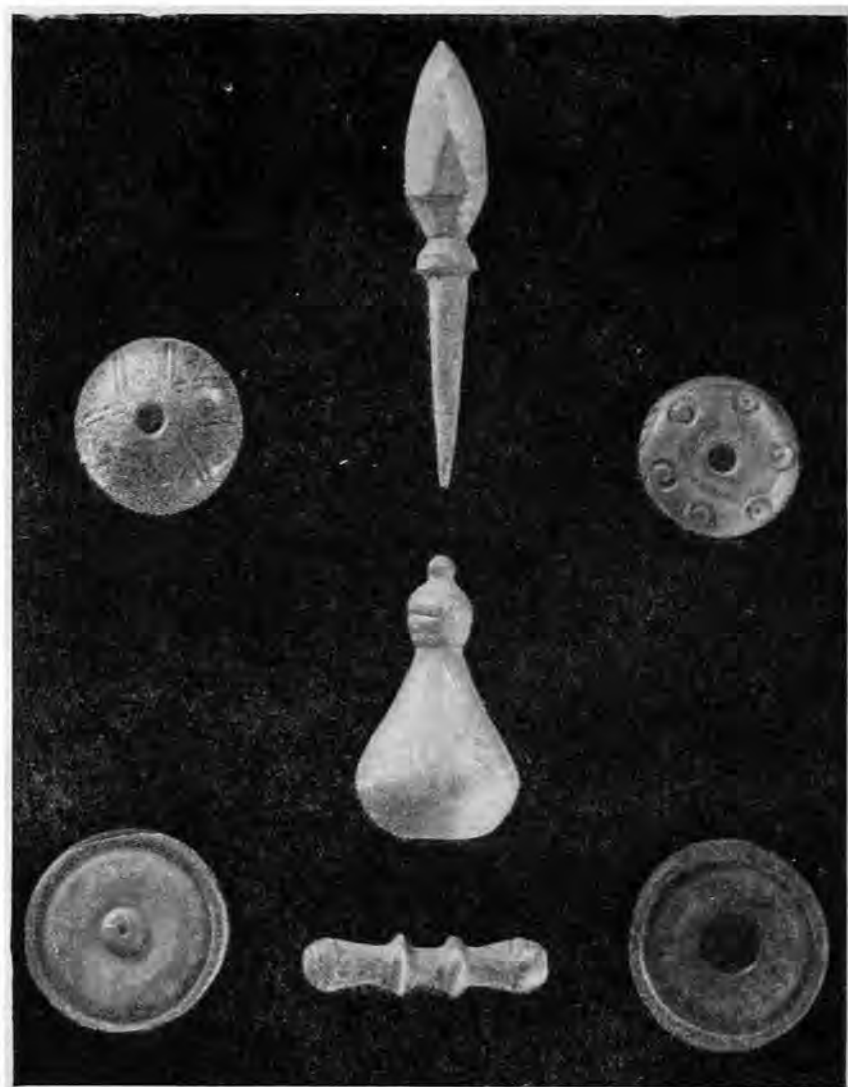

Рис. 11. Резная кость.

По всей вероятности, Белая Вежа обслуживала своим ремесленным производством потребности окружающих ее кочевников. Возможно, что в Белой Веже не сложилось развитого керамического производства потому, что глиняная посуда не пользовалась спросом со стороны кочевников.

Русское население явилось в Белую Вежу с навыками изготовления керамики от руки. В нижних русских слоях городища встречается преимущественно лепная керамика тех же типов, которые были распространены в днепровском левобережье и на верхнем Дону — в городищах роменско-боршевского типа (рис 16). Здесь находятся характерные горшки с широким отверстием и маленькими, почти горизонтальными

плечиками, иногда украшенные орнаментом, нанесенным крупнозубчатым чеканом. Ребра животных с треугольными нарезками, находимые на городище, служили для нанесения на стенки сосудов такого рода украшений. В позднейшее время, наряду с лепной керамикой, появляется местная посуда, сделанная на гончарном круге (рис. 17). Она имеет те же формы, что и гончарная керамика других русских областей. Однако,

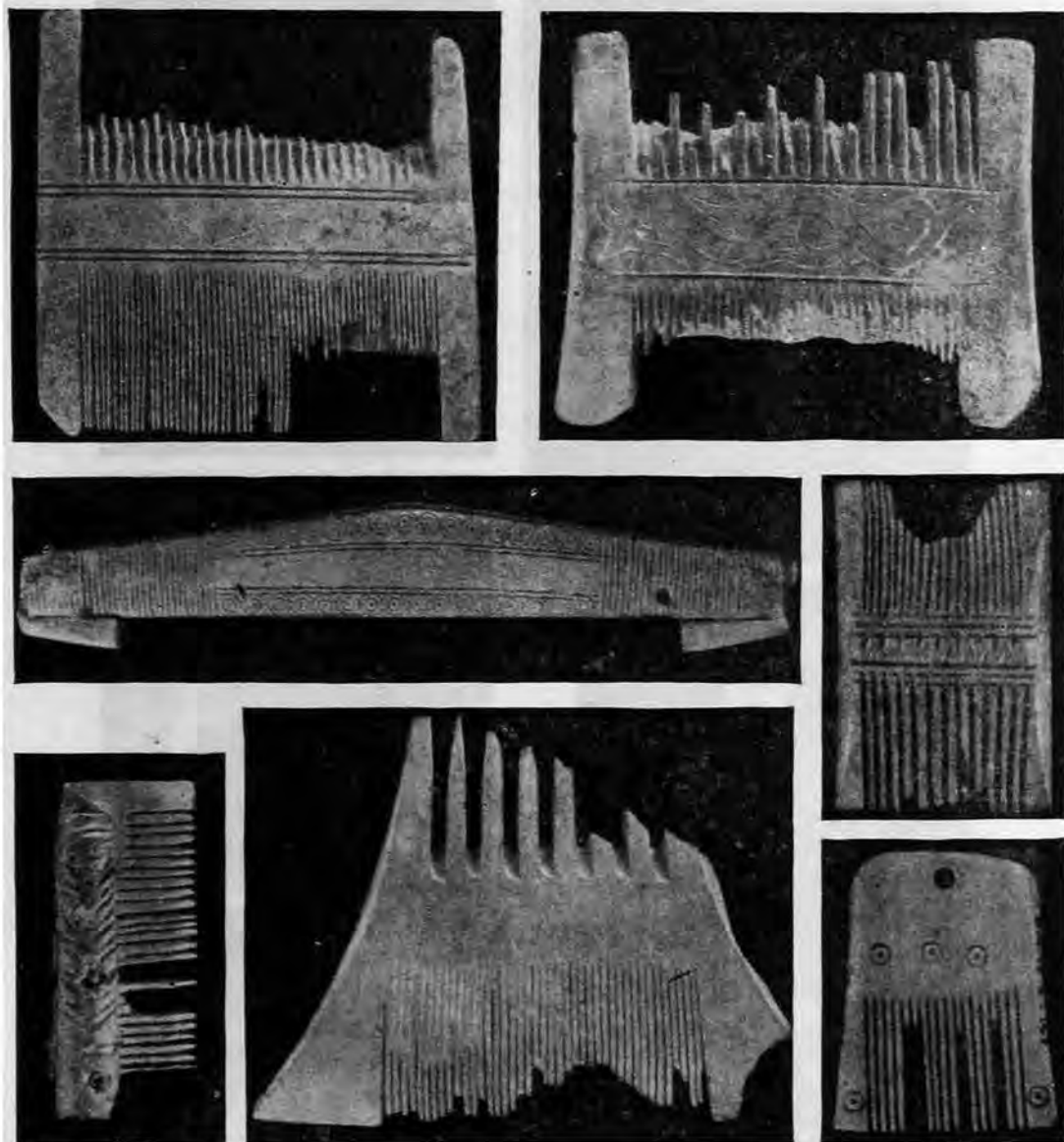

Рис. 12. Костяные гребни.

наряду со сделанной на круге посудой, до самого конца жизни Белой Вежи продолжала употребляться и посуда, изготовленная от руки (рис. 18). Она явно воспроизводит формы, характерные для керамики, сделанной на гончарном круге. У лепных сосудов при этом часто встречаются ручки. Сосуды иногда нарядно орнаментированы погтевидными, семечкообразными и нарезными узорами в виде гирлянд или арочек. Эта посуда представляет своеобразное явление, возникшее, очевидно, в особых условиях города, затерявшегося в степях среди чуждого насе-

Рис. 13 Кресты

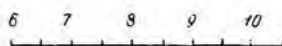

Рис. 14. Надписи на обломках сосудов.

ления и не развившего своего ремесленного гончарного производства, вынужденного поэтому удовлетворять потребность в посуде в пределах домашних хозяйств.

Рис. 15. Роговая рукоятка с русской монограммой.

Однако в течение всего периода существования Белой Вежи здесь бытовала керамика не только местного, домашнего или ремесленного производства, но и привозная. Главным образом она доставлялась сюда

Рис. 16. Лепная керамика роменско-боршевского типа.

с юга — из Крыма или с Таманского полуострова — и представлена особенно многочисленными высокими узкогорлыми кувшинами с плоскими ручками и амфорами с грушевидным туловом и поднимающимися над горлом ручками (рис. 19). Изредка встречаются и большие пифособразные сосуды, кувшинчики из красной глины и другие формы. Находится и поливная керамика.

Возле городища Белой Вежи имеется большой могильник, состоящий из насыпей разной величины, тянувшихся вдоль вала и рва, защищавших подступы к крепости. Как показали раскопки, большие насыпи этого могильника являются русскими кладбищами и заключают в себе подчас сотни погребений. Четыре насыпи такого рода, расположенные с восточного края могильника, имеют форму удлиненного овала и достигают 3 м высоты при длине в среднем в 60 м и ширине в 30 м. В одной из них, раскопанной целиком, было обнаружено 231 погребение, в другой, соседней — 170 погребений и, наконец, в крайней с востока, четвертой — всего 54 погребения. Все погребения находились в верхней части насыпей и были расположены рядами вдоль них (рис. 20). Раскопками выяснено, что эти четыре насыпи были сооружены одновременно. В основании все они состояли из чернозема, выше шел слой илистого суглинка.

Никаких погребений под насыпями или в нижней части насыпей не обнаружено. По всей вероятности, этого рода насыпи образовались при

Рис. 17 Русская керамика, сделанная на гончарном круге.

сооружении глубокого и широкого рва, преграждающего подступы к крепости с напольной стороны. Вынутая из рва земля почему-то лишь частично была использована для устройства вала, имеющего значительную высоту только в своей юго-восточной части, в основном же она была ссыпана перед рвом в виде различных по величине удлиненных холмов, сливающихся краями друг с другом. Часть этих насыпей в русское время была использована для устройства кладбища.

Следов трупосожжения в могильнике Белой Вежи не обнаружено. Все погребения представляют собой труположения, и все совершены по одному обряду в гробах, сбитых из толстых досок, от которых нередко сохраняются не только железные гвозди, но и древесина, иногда настолько хорошо уцелевшая, что можно даже уловить форму гроба. Покойники полагались на спине, в вытянутом положении, головой на запад, с руками, в большинстве случаев скрещенными в области живота.

Чрезвычайно редкие случаи повреждения одного погребения другим, несмотря на крайнюю тесноту захоронений, с одной стороны, и нередкие случаи погребения в одном гробу двух покойников (причем кости первого осторожно сдвигались в сторону), с другой, — свидетельствуют о том, что на поверхности погребения были отмечены какими-то надгробиями.

Инвентарь при погребенных встречается не во всех случаях, особенно при погребениях взрослых мужчин. Только при одном погребенном найден нож с деревянной ручкой. При других инвентарь ограничивается одним золотым или серебряным кольцом с левой стороны черепа (в ухе) да пряжкой от пояса. В одном случае пояс был украшен накладными бляшками. При погребениях женщин и особенно детей инвентарь находится значи-

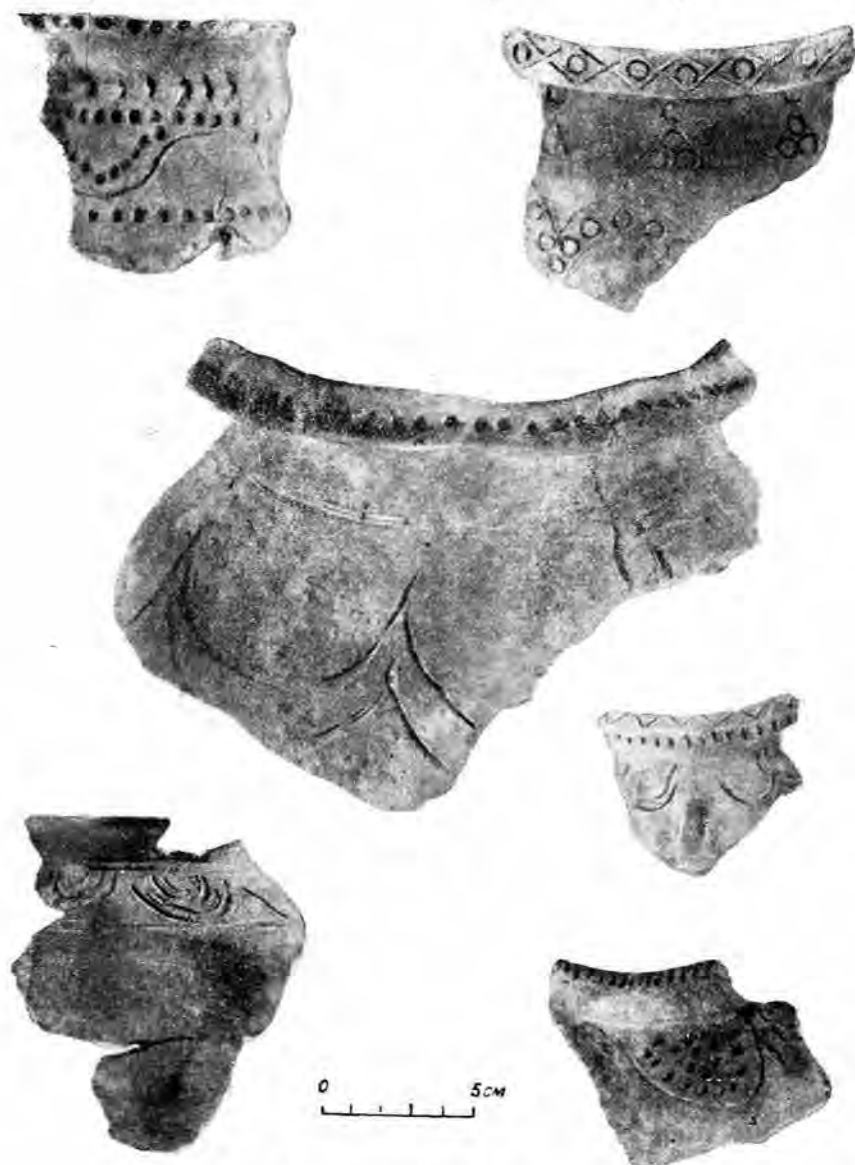

Рис. 18. Глиняная керамика.

тельно чаще и состоит из разнообразных украшений: золотых и серебряных, реже медных, височных колец, ожерелий из серебряных, стеклянных, пастовых, сердоликовых, хрустальных, кварцевых, янтарных и гешировых бус и подвесок; в числе последних имеются и крестики (рис. 21 и 22). Распространены янтарные, ляпис-лазуревые и перламутровые подвески. Встречаются серебряные и бронзовые пуговицы, а у детей — и бубенчики. На руках находят серебряные, бронзовые и стеклянные браслеты, а на пальцах встречаются серебряные и бронзовые кольца и перстни. Только в одном погребении найден глиняный сосуд; изредка в гробах встречаются угольки.

Совершенно такие же погребения были обнаружены на раскопанном участке вдоль кирпичной стены крепости, между нею и вторым, предстенным рвом. На сравнительно небольшой раскопанной площади здесь открыто 214 погребений, устроенных в слое мусора, накопившегося при постройке крепости и в течение жизни города. Они также расположены рядами. Вместо гробов здесь могилы иногда обложены хазарскими кирпичами. Грубо высеченный из известняка крест с расширяющимися концами, найденный возле крепостной стены, очевидно, представляет собой пример тех памятников, которые ставили над могилами (рис. 23).

Однако площадь могильника этим не ограничивалась. Траншеи, заложённые на внутреннем дворе городища между наружным валом и кир-

Рис. 19. Кувшин с плоской ручкой и амфора.

пичной крепостью, дали ряд погребений; погребения оказались и в валу городища, в некоторых местах сильно ими деформированном.

Огромный могильник Белой Вежи носит все признаки городского кладбища. Особенно надлежит отметить погребения, обнаруженные внутри крепости возле малых ворот в северо-восточной оборонительной стене, которыми продолжало пользоваться население города русского времени для выхода к реке. У этих ворот внутри города в русское время была сооружена опорная стенка из блоков песчаника, которая предохраняла спуск к воротам от засыпания мусором, накопившимся к этому времени внутри города и возвышавшимся над уровнем ворот. Рядом с этой стенкой оказались склепы, сложенные из кирпичей на глине. В них помещались погребения.

Вблизи городища возле русского могильника имеется значительный курганный могильник, состоящий из круглых невысоких насыпей (не выше 0.5 м). При раскопках под этими насыпями были обнаружены типичные кочевнические погребения, обычно в ямных могилах, причем нередко со скелетом человека, над ним или возле него находились кости коня (череп и кости конечностей). Повидимому, вместе с покойником погребалась шкура коня с головой и ногами, может быть, даже набитая

травой. Во рту коня находятся железные удила, а посредине, между костями конечностей — остатки седла в виде пары стремян и пряжки от подпруги. При человеческих скелетах нередко встречаются костяные и железные пряжки, накладки на ремни, кресала с кремнем, костяные обкладки лука, железные наконечники стрел, в одном случае даже в хорошо сохранившемся берестяном колчане (рис. 24, а); найден также однолезвийный меч.

Погребения эти по находимым в них вещам датируются начиная со второй половины X в. Спрашивается: кто были представленные ими кочевники?

Как известно, над степями Причерноморья в X в. господствовали печенеги. Однако, по свидетельству Константина Багрянородного, их кочевья

Рис. 20. Погребения в кургане № 24/6.

располагались в основном в Поднепровье. Во второй половине XI в. печенегов сменили половцы. Первое упоминание о половцах на страницах русской летописи относится к 1054 г. В Подонье они проникли, вероятно, несколько раньше этой даты. Однако во время войны Мстислава с Ярославом в 1023 г. войско первого, набранное в Тмуторокани, состояло только из хазар и касогов; половцев в нем не было, вероятно, потому что их еще не было в Подонье и Прикубанье. О первом появлении половцев в русской летописи сказано: «В сем же лете [1054] приходи Болушь с половци и створи Всеволод мир с ними, и возвратишася половцы вспять, отнюду же пришли». Первое военное столкновение Руси с половцами летопись датирует 1061 г.: «Придоша половци первое на русскую землю воевать; Всеволод же изыде противу им, месяца февраля в 2 день. И бившимся им, победиша Всеволода, и воеваше отъидоша. Се бысть первое зло от поганых и безбожных враг. Бысть же князь их Искал». Вторично половцы разбили русское войско в 1068 г.

Таким образом, письменные источники не содержат указаний на проникновение половцев в степи Подонья до середины XI в. Следовательно,

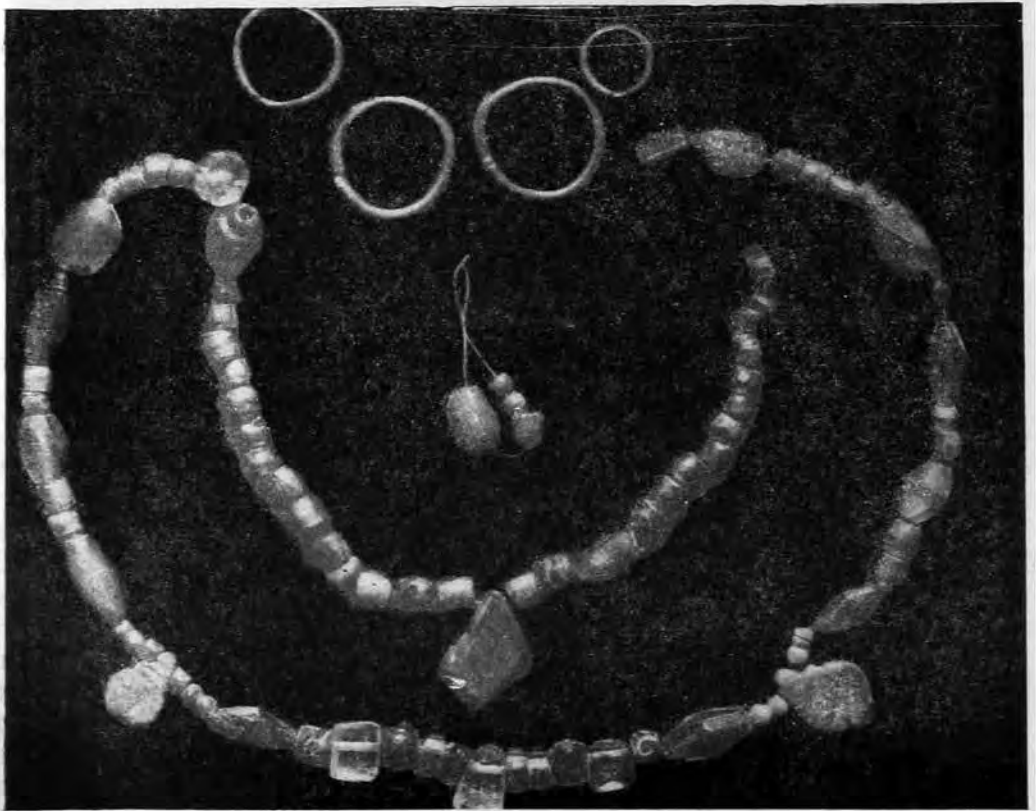
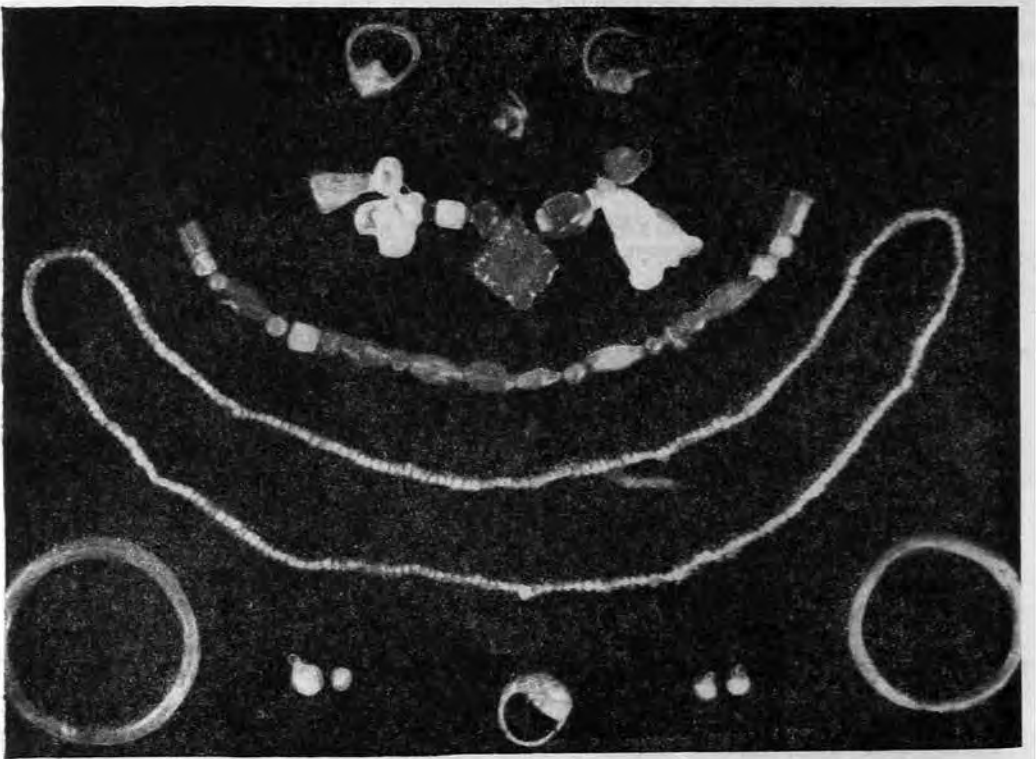

Рис. 21. Шивитарь погребений в «Больших курганах».

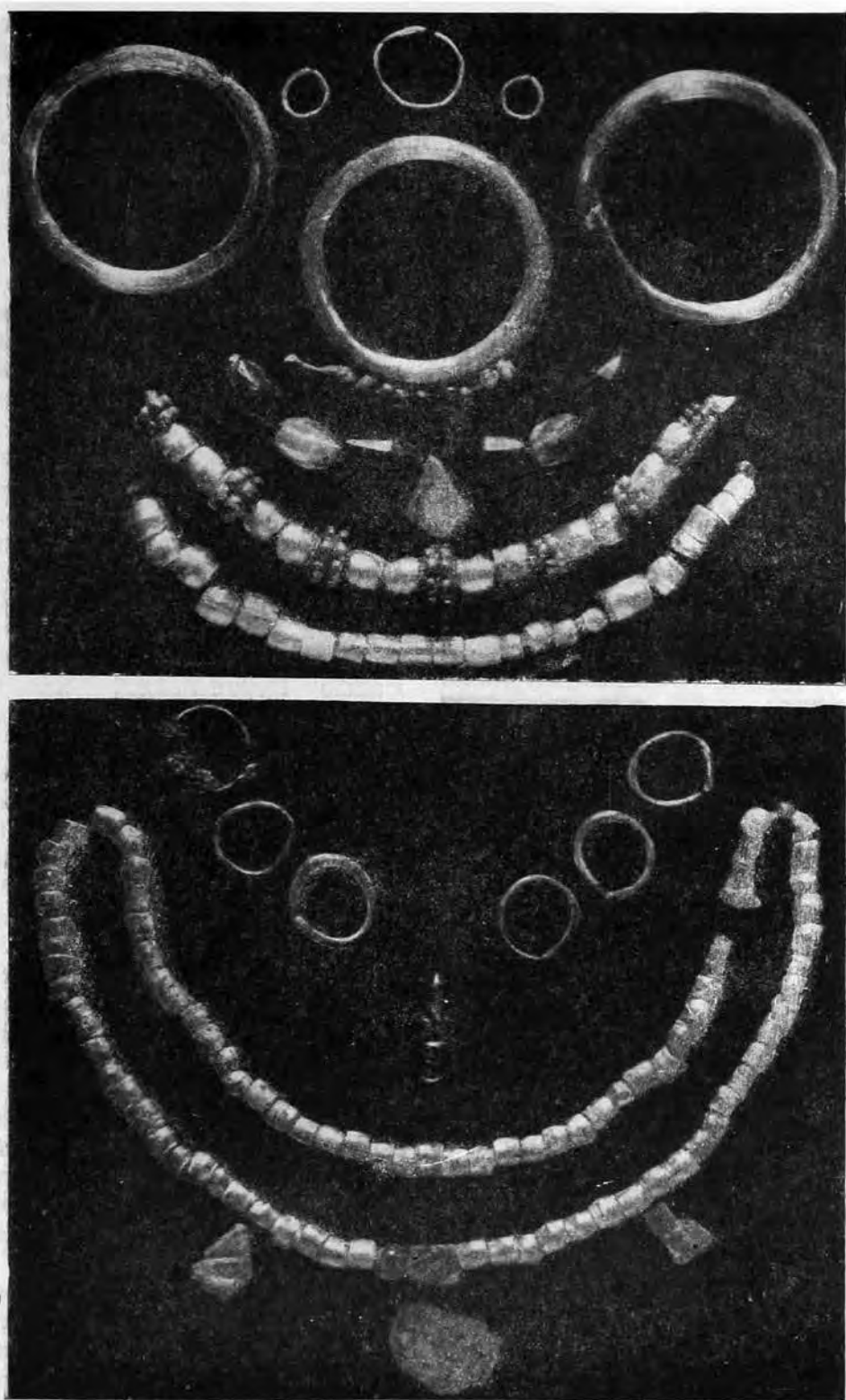

Рис 22. Инвентарь погребений в «Больших курганах».

курганы возле Белой Вежи не половецкие. Не могут быть они и печенежскими, хотя Печенегия в X в. и простиралась на восток до Саркела, так как печенеги в это время концентрировались в степном Поднепровье. К тому же за все время своего пребывания в причерноморских степях печенеги находились в остро враждебных отношениях с Русью. Вероятнее третье предположение, а именно, что курганы возле Белой Вежи оставлены гузами-торками, о возможности союзнических отношений с которыми Святослава упоминалось выше.

Установленные Святославом дружественные связи с торками поддерживал и сын его Владимир. В 985 г. торки участвовали в походе

Рис. 23. Надмогильный крест.

Владимира на волжских болгар. Столкновения руси с торками начинаются не ранее вторжения половцев в восточноевропейские степи. Под тем же 1054 г., под которым русская летопись отмечает первое появление половцев, в ней говорится и о первом походе на торков переяславльского князя: «В се же лето иде Всеволод на торки зиме к Воиню, и победи торки». Город Воинь, который здесь упоминается, находился южнее Переяславля, из чего следует, что ко времени данного похода торки были уже в Поднепровье. Едва ли появление их здесь не находится в зависимости от движения половцев, которые в то же время заключают мир с Всеволодом. Через 6 лет, в 1060 г. против торков выступили соединенные силы сыновей Ярослава во главе с Изяславом киевским (Святослав черниговский, Всеволод переяславльский, Всеслав смоленский). Русские князья, «совокупиша вои бещислены и поидоша на коних и в лодях, бещислено множество на торки».

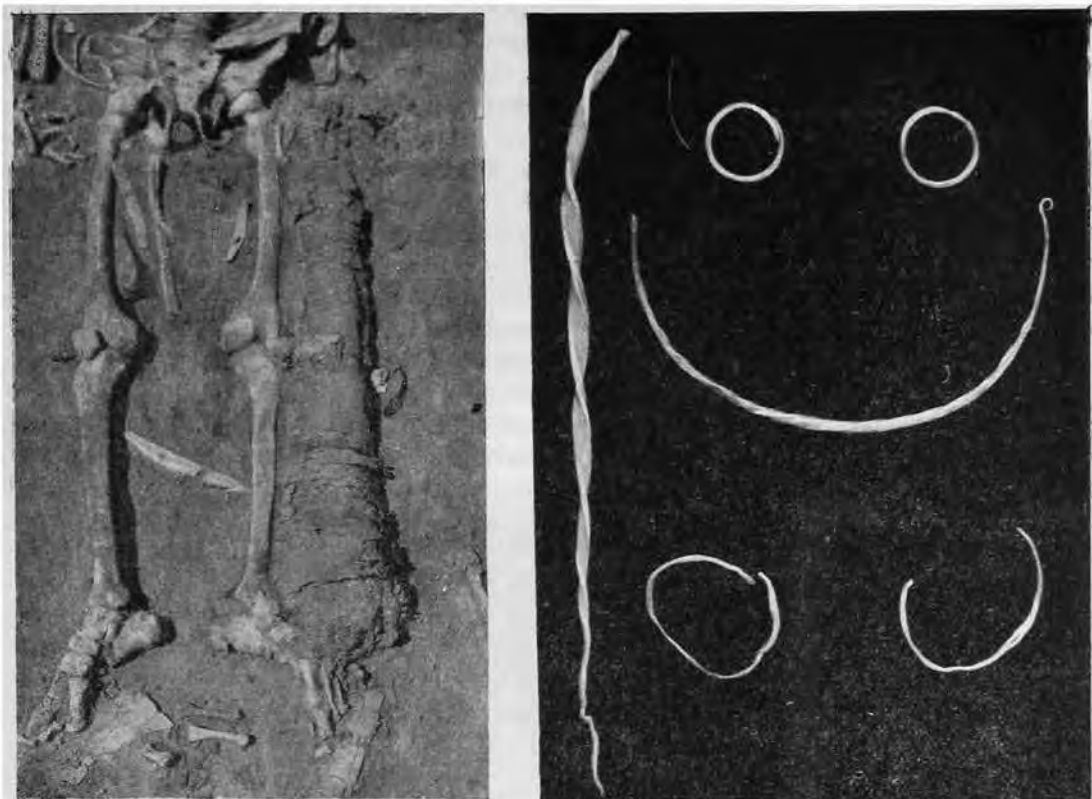
В результате торки бежали в

Византию, и только после многих злоключений часть их вернулась и отдалась под покровительство русских князей, которые и поселили их по Роси.

Еще В. А. Городцов высказал предположение, что погребения с конем, ориентированные на запад, следует относить к торкам. Более точным признаком погребений торков Н. Д. Мец считает захоронение покойника не с целым остовом, а с частями коня, что мы имеем в кочевнических курганах возле Белой Вежи. Имеются здесь и типичные, по определению Н. Д. Мец, для торков однолезвийные мечи, «кончары» и удила без перегиба.¹

Между беловежцами и поселившимися вместе с ними кочевниками существовали мирные и дружественные отношения, о чем свидетельствует

¹ Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КС, 1948, № XXIII, стр. 45.

a

б

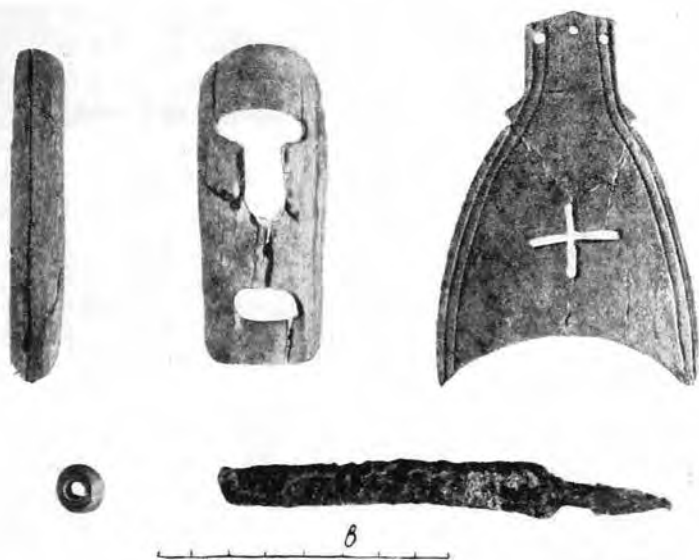

Рис 24

a — берестяной колчан в погребении кочевника (курган № 18, 18 I); *б* — вещи из погребения «половчанки»; *в* — вещи из погребения № 15 (курган № 19/I).

в первую очередь вышеуказанный кочевнический могильник, находящийся возле могильника самих беловежцев. Беловежцы и кочевники даже вступали в брачные отношения между собой. На русском кладбище Белой Вежи имеется ряд погребений с чертами кочевнического погребального обряда, т. е. с захоронением вместе с покойником лошади или только принадлежностей конского снаряжения. Особенно замечательно одно из таких погребений с лошадей; у человеческого скелета здесь оказались: височные кольца и гривна из электра, серебряные браслеты и серебряная же лента, очевидно, вплетенная в ремennую нагайку (рис. 24, б). Погребение это несомненно женское. Замечательно, что и другие погребения того же рода оказались женскими. По признакам физического типа монголоидной была только одна из погребенных с конем (с нагайкой), все остальные носили выраженные европеоидные черты.

В этой связи уместно отметить, что, по наблюдениям В. В. Гинзбурга, в русском кладбище Белой Вежи преобладал характерный для славян европеоидный длинноголовый тип с относительно незначительной примесью европеоидного же, но короткоголового расового типа, обычного для местного населения хазарского времени. Кочевнические погребения, наоборот, отличаются монголоидностью черепов, хотя в числе женских кочевнических захоронений находятся и европеоидные типы, преимущественно короткоголовые. Можно думать, что женские погребения в русских курганах с чертами кочевнического погребального обряда были погребениями русских женщин, находившихся замужем за кочевниками.

Верхний слой городища Белой Вежи изобилует остатками пожарниц и следами вражеского разгрома. Под развалинами сгоревших зданий находятся скелеты погибших в огне людей. В одной из кладовых ям с обложенными кирпичами стенками оказался скелет сброшенного в нее человека. Положение скелета свидетельствует, что человек умер, пытаясь выбраться из ямы: раскинутыми руками он цеплялся за ее края (рис. 25).

На кладбище у городской стены, а равным образом и в других частях могильника, среди позднейших погребений нередко встречаются скелеты со следами ранений, нанесенных холодным оружием, иногда даже с копьями или стрелами, застрявшими в костях. Все это ярко свидетельствует о том, что население Белой Вежи в последний период существования города сильно страдало от нападений врагов. Врагами его могли быть только половцы.

Набеги половцев на Русь особенно усилились в конце XI в. В 1103 г. состоялся Долобский съезд русских князей, положивший начало совместным действиям князей против половцев.¹ После разгрома днепровских половцев в этом году русские князья предприняли в 1111 г. известный поход против половцев донецких, закончившийся крупной победой русских на Салнице.² Удар в этом направлении был повторен, хотя, повидимому, и без большого успеха, в 1116 г.³ В результате этих походов половцы надолго потеряли охоту нападать на русскую землю и появлялись в ней только в качестве союзников, которыми русские князья пользовались в своих удельных расправах.

Возможно, что обострение отношений между русью и половцами в конце XI в. отразилось и на положении Белой Вежи. Затерянные в половецком море беловежцы не порывали связей с родной страной,

¹ Повесть временных лет, ук. изд., стр. 183.

² Там же, стр. 190 сл.

³ Там же, стр. 201.

не отделяли себя от русского народа и, ввиду этого, пережили общую с ним судьбу. Белая Вежа держалась в степи как форпост русского культурного и политического движения на юго-восток, но в конце концов условия ее существования сделались настолько тяжелыми, что, по сведениям летописи, в 1117 г. беловежцы переселились на Русь.¹ Это событие особенно подчеркивает неразрывную связь Белой Вежи с Русью. Она пала приблизительно тогда же, когда прекратило свое существование и русское Тмутороканское княжество на берегах Керченского пролива. Падение Тмуторокани и Белой Вежи — явления одного и того же порядка. И своим возникновением и гибелью они тесно связаны между собой. Прекращение их существования означает крушение дела Святослава Игоревича, утрату Русью торгового пути на Восток.

В конце XII в. русские еще помнили о своих былых владениях на Дону, оказавшихся во власти половцев. Герой «Слова о полку Иго-

Рис. 25. Скелет в погребе.

реве» Игорь Святославович, князь Новгород-Северский, предпринимает смелую попытку «поискати града Тмутороканя, испити шеломомь Дону»,² т. е. вернуть старое достояние черниговских князей, Тмуторокань и Подонье. Попытка эта окончилась неудачей.

Переселение беловежцев на Русь в 1117 г., конечно, не означает полного исчезновения русского населения на нижнем Дону. Часть его несомненно осталась там, но уже не играла той роли, которая принадлежала городскому торгово-ремесленному населению Белой Вежи и Тмуторокани. Оставшееся на Дону русское население образовало самостоятельную организацию, известную под наименованием бродников, и в первом столкновении Руси с татарами сыграло изменническую роль по отношению к русскому войску, выступив на стороне татар.

Возможно, что Белая Вежа как незначительное русско-половецкое поселение, подобное Шаруканю, Сугрову, Балину и другим донецким

¹ ПСРЛ, II, вып. 1, изд. 3-е, 1923, стр. 281.

² Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, 1950, стр. 19.

«городам», о которых упоминает русская летопись в связи с походами русских князей на половцев, продолжала некоторое время существовать и после выселения основного ядра беловежцев на Русь. Повидимому, остатками такого поселения являются постройки из сырцовых кирпичей, встречающиеся местами в самом верхнем слое городища, который в остеологическом отношении характеризуется преобладанием мелкого рогатого скота, но не выделяется каким-либо особым комплексом находок иного рода.
